

Запад, несомненно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

Булат Окуджава

Европеец

№ 1, май 2004

ГАЗЕТА РОССИЙСКИХ ЗАПАДНИКОВ

Из архива «Е»:

«Но в крови моей есть азиатчина...»

Булат ОКУДЖАВА

В 1993 году главный редактор газеты «Европеец» Галина Васильевна Старовойтова взяла интервью у Булата Шалвовича Окуджавы.

Говорят, дача Б.Окуджавы самая маленькая из литфондовских дач в Переделкине. Участок зарос, одичал. Хозяин встречает на крыльце. Джинсы, клетчатая рубашка, благожелательно-ироничный взгляд. Проводит в дальнюю комнату, скромный дачный кабинет. Пишущая машинка на столе, книги на самодельных полках, коллекция колокольчиков, свисающих с потолка. Очень уютно. Интересуюсь: «А кто у вас убирает?» — «Я, только я. Это армянская моя половина стремится к порядку — я аккуратист. И потом, я ведь старый солдат». Естественно спросить про «грузинскую половину». «А у грузин другое: „Палто нэ нада!“ — напоминает он известный анекдот о чазевых гардеробщику.

На стене фотографии поэтов, родни, друзей — людей, знаменитых на весь мир и никому не известных. Четырехлетний мальчик с удивленными глазами на арбатском дворе. Похож... «А это кто?» — «Мои родители».

Дореволюционный снимок отец в кутаисской гимназии. Мать, Ашхен Степановна, перед тюрьмой, уже молодая вдова. А рядом сияющая Джоан Базз — исполнительница песен «кантри» — и окуджавских... Архитектор Казбек-Казиев. «Мой самый-самый близкий друг».

Расспрашиваю о родителях. Мамины родители — тбилиские армяне. Да, авлабарские. Дед был слесарь, а бабка — дочь купца, и ее родители были против брака. Но потом мать смягчилась: «Лучше пить счастье из глиняной плошки, чем горе из золотой чашки...»

Пьем коньяк. Французский. В скромных количествах. Я предпочитаю хороший чай, поэт — растворимый кофе. Название моей газеты диктует первый вопрос.

— Булат Шалвович, вы считаете себя европейцем?

— Да, конечно. Я воспитан на европейской культуре. Но в крови моей есть азиатчина...

— Вы часто бываете за границей. Скажите, вы согласны с расхожим мнением о кризисе духовности на Западе?

— Мне трудно судить об этом. Могу лишь сказать, что все эти разговоры о бездуховности Америки, которые ведутся нашими возбужденными патриотами, мне чужды. Я встречал там множество людей интеллигентных, серьезных, умеющих мыслить самостоятельно. Меня поражило громадное количество книжных магазинов. Помню, поначалу я все удивлялся — как они не прогорают? А мои собеседники улыбались в ответ и объясняли: раз существует такой магазин, значит, он приносит доход... А чем мы так уж духовны? Мы много читали, как раньше говорились, но — что мы читали? Бабаевского?

— Можно, я вас буду фотографировать?

— Ладно.
— Вспоминаю, как вернулся из своей первой зарубежной поездки А. Сахаров. Он был в США. Я тогда попросила Андрея Дмитриевича в двух словах описать эту «другую цивилизацию». Он сказал тогда об уровне социальной защищенности граждан Америки и упомянул о блеске этой «другой цивилизации».

— Иногда говорят: это XXI век со всеми его достоинствами и недостатками. Я абсолютно согласен. Конечно, это великая стра-

на, и многое в ней прекрасно, но много и тяжелого, печального, чуждого мне. Но вообще я из тех людей, кто стремится всегда первым делом видеть достоинства. И у отдельного человека, и у страны. Потому что недостатки всем нам присущи... Вообще для меня капитализм — это результат естественного развития человеческого общества. Несмотря на многочисленные слабости. А социализм — это искусственная модель. Что же касается справедливости... Это зависит от уровня культуры, от состояния общественных нравов. А что, справедливость — это дележка поровну, что ли?

— Можно иначе поставить вопрос: свобода или равенство?

— По-моему, сегодня трудно говорить о классическом капитализме. То, что я наблюдаю на Западе, — это уже какие-то новые формы цивилизации. Ничего общего с на-

шими привычными представлениями о капитализме.

— Коля Травкин, бывший член ЦК КПСС, рассказывал, как перевернула его сознание первая поездка за рубеж, в Швецию, какется...

— Очень может быть. В 70-е годы я слышал такую трагическую историю. Одного рабочего из Челябинска, Героя Соцтруда, послали в Париж на какую-то конференцию. И он впервые очутился за границей. Представьте, из этого полуголодного Челябинска, где он боролся за коммунистические идеи, человек попадает во Францию... Ну, несколько дней походил на конференцию. Потом купил какие-то маленькие подарки семье. Вернулся в гостиницу. Разложил их на диване. Подробно написал — кому что. И выбросился из окна. В газетах у нас писали, что это происки ЦРУ. Через некоторое время я приехал в Париж и спросил у польских работников, что, мол, была за история с ЦРУ... Они говорят: «Да какое там ЦРУ! Приехал человек в Париж, увидел, как люди живут, шок у него, вот и все...»

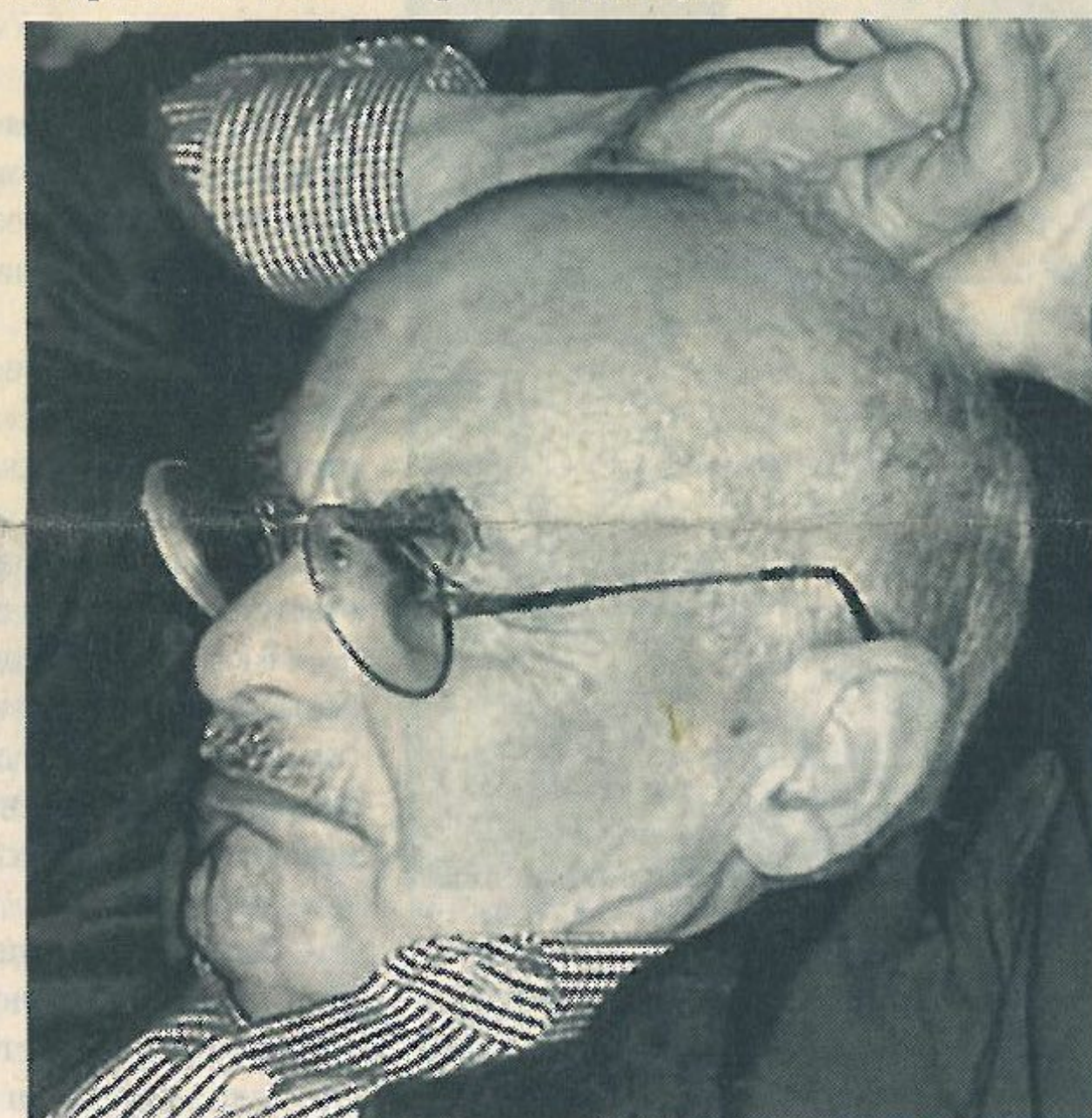
— Да, страшная история. Скажите, а для вас первая поездка на Запад была сильным потрясением?

— Конечно. Но все-таки, наверное, я был немножко лучше подготовлен... Помню, в Австралии я поражаюсь тому, что в каждом киоске продаются порнографические журналы, а мимо идут школьники и даже не останавливаются! Все уже вкусили, Господи бо-

жемой... Или в Париже пошел на порнофильм — был молодой. Пришел в кинотеатр... там сидят каких-то семь старых негров, а больше никого нет! Пустой зал. И я сижу с ними как идиот. (Смеется).

— Может быть, не очень деликатный вопрос, но я знаю, что он сейчас многих волнует. Об уровне личного благосостояния. Мне как депутату постоянно приходится на него отвечать... До ареста родителей вы жили в привилегированной семье?

— Знаете, у меня было счастливое детство. Но мы жили очень скромно. Очень! У нас никогда не было своей мебели, хотя отец занимал большие

посты. В комнате стоял какой-то канцелярский стол с биркой. Железная кровать...

— Каким постом отец занимался?

— Он был первым секретарем Тбилис-

ского горкома партии. А перед арестом — секретарем Нижнетагильского.

— В вашей семье многие были репрессированы?

— О, из этой семьи вообще убили раз... два... три... пять человек. Пять братьев и одну сестру.

— Ну... и потом?

— А потом я вдруг стал врагом народа! В 12 лет. В меня тыкали пальцем в школе и кричали: «Троцкист!»

— А мама когда вернулась из лагеря?

— Мама вернулась в 1955 году. И тут же ее, с легкой руки Хрущева, отправили на северный Урал, в лагерь, реабилитировать оставшихся.

— Долго прожила она с вами?

— Она умерла в 1983 году. Ну, ей, конечно, очень трудно было осознавать случившееся. О лагере она не рассказывала никогда. Кое-что я узнавал от женщин, которые сидели с нею, но от нее — ни слова. Когда я стал выезжать за границу, то привозил ей всякие запрещенные книжки. Она их читала. Со многим не соглашалась. Боролась за свою идею. Но постепенно перековывалась, перековывалась... Единственное, что осталось у нее символом веры, — Ленин.

— А она прочитала «Архипелаг ГУЛАГ»?

— Да. Ну, она не узнала много нового, она прошла это сама...

— Я хочу сказать, что Солженицын ведь предвещает счет и Ленину.

— Она не соглашалась. Мама считала, что это предвзятое мнение, что время было такое... Но однажды я слышал, как она шептала, отвернувшись к стене: «Что мы наделали, что мы наделали!»

— Как вы думаете, какая доля нашего населения прочитала «ГУЛАГ» теперь, когда книга стала доступна?

— Я думаю, читающая публика прочитала.

— А я думаю, что читающая публика прочитала ее еще много лет назад.

что постоянно испытывала чувство какой-то неловкости.

— Интересно, а как в других странах? По-моему, в Америке сенаторы на своих машинах приезжают на службу?

— Вроде бы. Кроме того, у американского сенатора очень хорошая зарплата, гораздо больше, чем у нашего депутата. И масса помощников.

— А главное — капитал. Его не выберут сенатором, если он не имеет капитала! Это тоже очень важно. Ему хапать не нужно...

— А у нас, если ты даже из самых лучших побуждений приобретаешь к государственной деятельности, то неизбежно приобретаешь и к привилегиям. Завершая «экономическую» тему, я хочу спросить: как вы сейчас живете материально?

— Знаете, мне много не нужно... Конечно, прежде заработанные деньги мои обесценились.

— Но ведь вы могли это предвидеть и вложить их, скажем, в антиквариат.

— О-ой, нет! (Общий смех). Нет, мы с женой даже не думали об этом. Ну, пропали и пропали, что тут поделаешь? Но все-таки мне сегодня гораздо легче живется, чем многим другим литераторам. Во-первых, еще мной интересуются. Издают мои книги. Я выступаю. Потом, меня приглашают пока что за рубеж. А небольшие валютные гонорары «там» — здесь превращаются в громадные деньги. Да еще ветеранская пенсия у меня, довольно приличная. Младший сын композитор. Он много работает и хорошо зарабатывает. Словом, нам хватает вполне... Да и другим фронтовикам, я знаю, пенсию сильно подняли.

— И все же, материальная жизнь наших соотечественников в целом резко изменилась к худшему?

— Да, к сожалению. Но самое главное, я вам скажу, это не материальные трудности.

— Разочарование и потеря ориентиров, да?

— Не то чтобы разочарование... да, потеря ориентиров! Люди попали в совершенно другую страну, непривычную, незнакомую. Многие осознают, что это правильно, что другого пути нет, но жить от этого не легче. И все-таки... Вот сегодня ко мне приходила Танечка такая. Она маленькая художница, живет где-то в Апрелевке, и она подрабатывает. Покупает творог, молоко, сметану и в такой колясочке на электричке привозит сюда и по поселку продает. Берет себе небольшой процент... Милая очень женщина, молодая. Я спросил, как ей живется, и ожидал в ответ услышать: очень плохо. Нет, оказывается, ей удается немного зарабатывать, жить все равно нелегко, но ничего катастрофического она не ощущает.

— Вы подаете нищим?

— Я нищим редко подаю. Я подаю музыкантам. На улице.

— Да, ведь они работают!

— А нищим... Ну, есть среди них масса несчастных людей, наверное. А есть и прохиндеи. Мне не хочется, мне унижительно это...

— ...оказываться ими обманутым, да?

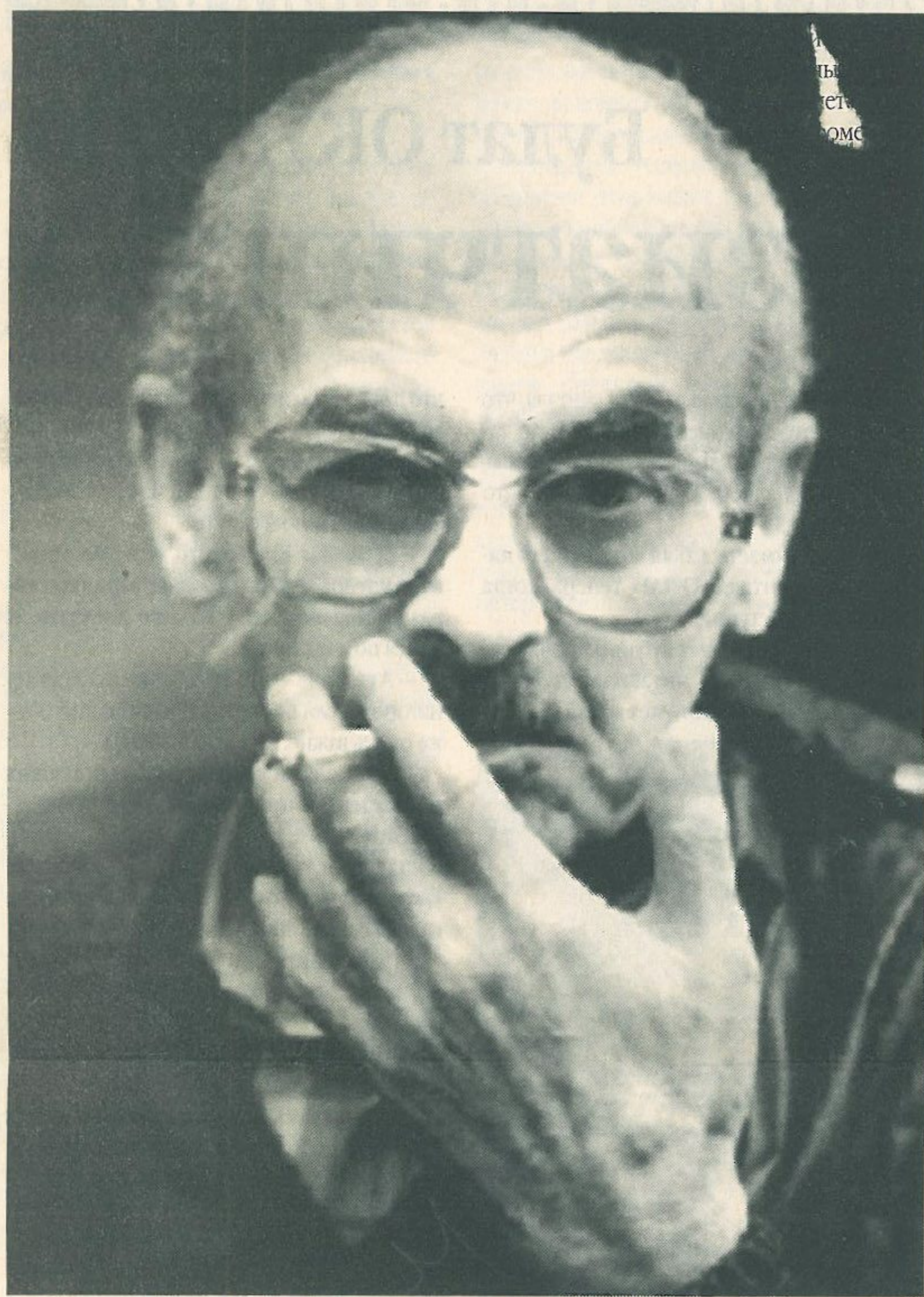
— Да, вот это.

— Все-таки вы сейчас с оптимизмом или с пессимизмом смотрите на происходящее?

— Я очень счастлив, что дожил до этого времени. Никогда не думал, что демократические изменения могут здесь произойти при жизни нашего поколения.

(продолжение на 2-й стр.)

Булат ОКУДЖАВА: «Но в крови моей есть азиатчина...»

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

С другой стороны, я очень опечален осознанием длительности процесса. Я понимаю прекрасно, где живу и что ничего за семь лет у нас всерьез измениться не может. Общество большое. Оно будет долго выздоравливать, приобретать навыки, прежде ему не свойственные. У нас никогда не было института демократии. Никогда не было уважения к личности. Никогда не было уважения к закону. Вот когда мы освоим весь этот комплекс...

— Вы не допускаете, что наш униженный, растерянный, обедневший народ может устремиться в объятия фашизма?

— Не думаю. Какая-то часть толпы может броситься, а народ — нет.

— Однако в Германии за Гитлером поначалу тоже пошло меньшинство. При помощи политических махинаций он получил власть, а потом народ его все-таки поддержал.

— Я скажу вам, что меня утешает. Вот в марте 90-го в России шли выборы в Верховный Совет. Я узнал, что туда баллотируются такие люди, как Илья Глазунов, Станислав Куняев... Я вспоминал, какие невероятные очереди в течение нескольких месяцев выстраивались на выставку картин Глазунова. Какие побоища устраивались в Москве среди желающих попасть на встречу с редакцией «Нашего современника». Я был очень удручен, очень. Но прошли выборы, я узнал их результаты... И оказалось, что люди не дураки, понимаете?

— И выбрали вместо Куняева «деморосса» М. Астафьева, который оказался ничуть не лучше.

— Знаете, а мне вообще смешны эти обозначения применительно к нашей стране — «демократ», «консерватор». У нас нет ни демократов, ни консерваторов. Есть люди, которые хотят быть демократами, им противостоят жлобы, вот и все...

— Вы согласны с расхожим утвержде-

нием, что нравственность и политика несовместимы, поскольку политика — дело заведомо грязное?

— Нет, я не согласен. Грязными могут быть люди.

— Вы сказали, что не надеялись дожить до демократических преобразований. Скажите, это связано с психологией вашего поколения?

— Конечно. Я типичный шестидесятник, разделивший многие ошибки и заблуждения своих сверстников. Я был из той категории людей, которые никогда не предполагали, что режим может рухнуть, но мечтали его очеловечить.

— Горбачев тоже об этом мечтал?

— Я плохо знаю Горбачева... Говоря примитивно, мне кажется, он мечтал построить капиталистическое общество под руководством коммунистической партии. (Общий смех).

— Нынешние бизнесмены, «молодые волки», заявляют сейчас: «Мы больше стариков этих не пустим в политику!» Мол, шестидесятники проиграли...

— Может быть, в этом есть резон.

— Но разве сами они достигли уровня «взрослых»? — Адамовича, Черниченко, двух Яковлевых, других?

— Нет, конечно. Должно пройти время, пока не подрастут и не подготовятся новые свежие силы.

— Так они уже этой осенью собираются «захватывать власть».

— Ну, это смешно. Вот Галковский кричит: уходите, освободите ваши места! А как я могу освободить для него свое место? Да и полно свободных мест, занимайте, зачем давку устраивать? Думаю, это все от комплекса неполноценности. Я понимаю, что конфликт отцов и детей — вещь объективная. Но я просто никак не ожидал, что эта борьба может протекать в такой озлобленной форме. Когда мне было около 30-ти, я дружил со «стариками» — с Паустовским, с Антокольским... Мы, молодые шестидесятники, видели их слабости и недостатки, но у нас никогда не возникало желания то-

пить их в грязь, обливать помоями... Это неинтеллигентно.

— Одна молодая журналистка недавно намеревалась взять у меня интервью о роли национальной интеллигенции. Я сказала, что никакой национальной интеллигенции нет. Более того, как только образованный человек начинает кичиться национальными идеями, он перестает быть интеллигентом и становится националистом. Девушка обиделась, выключила диктофон и ушла, чуть не плача... Мне стало ее жаль, и я усомнилась в своей правоте.

— Я вообще хотел бы знать, что такое интеллигенция. Потому что разброс мнений страшный. Одно время я на эту тему пытался спорить, но потом замолчал. Большевики считали, что интеллигент — это всякий с дипломом, в шляпе и в очках. И скрытый вредитель, в общем. Такое представление укоренилось. А на мой взгляд, интеллигент — это не профессия. Это состояние души... Отвращение к насилию. Потребность в знаниях. Умение с иронией относиться к себе.

— Но русские философы начала века (я имею в виду «веховцев» — Бердяева, Франка и других) возлагали ответственность за революционное насилие именно на интеллигентов.

— Знаете, если бы мы с вами неожиданно (не с нашим сознанием сегодняшним, разумеется) перенеслись бы в февраль 17-го, то ратовали бы только за революцию.

— А можно было бы нас потом считать ответственными и за сталинщину?

— В какой-то степени я, сын фанатичных большевиков, несу за это ответственность.

— Хорошо. Несем ли мы, депутаты-демократы, ответственность за то, что происходит сейчас в России?

— Конечно.

— Согласна. А — вину? Нам говорят: «Вы разрушили великую державу, народ теперь живет в нищете, а вы победно глядите с телеэкранов и не чувствуете себя виноватыми!»

— Я не понимаю, что значит — разрушили? Распад СССР — это историческая закономерность, а не субъективная воля отдельных лиц, которые могли лишь чуть подтолкнуть, ускорить процесс. Просто история устала от этого коммунистического кошмара. Нет, я не вижу виноватых...

— Как вы полагаете, сегодня в Грузии есть национальная интеллигенция?

— Я думаю, что каждый народ имеет свою интеллигенцию. Это очень небольшая группа людей, которые хранят и приумножают национальную культуру, пытаясь благотворно влиять на общественные нравы.

— Я спрашиваю о Грузии не только потому, что ваш отец грузинского происхождения. У меня много друзей-грузин, которым я очень боюсь сегодня звонить.

— Я тоже.

— Я боюсь услышать, что они приветствуют ввод танков в Абхазию. Я боюсь услышать, что кто-нибудь из моих друзей погиб. И в Абхазию тоже не звоню.

— Думаю, сегодня в Грузии вряд ли кто-нибудь приветствует ввод войск. Мне очень хочется на это надеяться. Я страшно сокрушен происшедшим. И знаю, что близкие мне люди в Тбилиси испытывают те же самые чувства.

— Сегодня ко мне как к депутату пришла одна девушка, у которой родня осталась в Сухуми. Они русские. Она просила меня помочь вывезти их оттуда, а я не знала, как помочь... Позвонить туда невозможно. Она просила меня узнать, будет ли Россия вообще принимать своих беженцев.

— Россия равнодушна.

— Может быть, это феномен большой нации. Много народу, и...

— Не дорого, да. Сказал же Чаадаев, что самая большая беда России — это ее обширная география. «Тысяча верст на лице». Он многое подразумевал под этим.

— Тогда на чем же основан ваш оптимизм, Булат Шалвович?

— Меня утешают маленькие детали, Галина Васильевна. Убеждающие в том, что человеческое в людях не умерло. В самый разгар грузино-абхазского конфликта мой приятель из Еревана должен был приехать в командировку в Москву. Но он никак не мог самолетом. И ему подсказали такой путь. Он поездом доезжает до Тбилиси. Оттуда на специальном такси с шофером-грузином по Военно-Грузинской дороге добирается до границы с Осетией. Так и поехал. А на границе их поджидал осетин на своем «рафике». Они с грузином обнялись и расцеловались, и мой приятель отправился дальше, до Владикавказа, а оттуда в Москву. Понимаете, идет дикая война, а эти люди делают свое дело и не стреляют друг в друга, а целуются...

— Что вы сегодня боитесь больше всего?

— Я больше всего боюсь тех, кто возбуждает толпу. Нашу российскую «патриотическую» шантрапу. Беда, по-моему, заключается в том, что никто из этих бабуриных не радует за Россию. Никто! Каждый за себя. Все хотят быть вождями. Я недавно написал такое восьмистишие:

*Когда он болел о России,
не мысля потрафить себе,
его два крыла возносили,
два праведных знака в судьбе.
Когда же он стал «патриотом»
и вдруг возгордился собой,
он думал, что слился с народом,
а вышло — смешался с толпой.*

Когда я размышляю о низком уровне культуры, то больше всего боюсь подстрекателей.

— Вам приходилось выступать перед огромной аудиторией. Можно назвать ее толпой... или публикой. Скажите, вы всегда были уверены, что здесь, в этом зале, никаких беспорядков произойти не может?

— Мне очень посчастливилось в жизни. На мои вечера почти никогда не приходила праздная публика. Туда приходили мои единомышленники...

— Знаете, я раньше тоже считала, что на наших демократических митингах ничего дурного произойти не может. Но сведущие люди из госбезопасности однажды объяснили мне, что превратить «союз друзей» в обезумевшую толпу очень просто. Люди стоят тесно, и достаточно бросить сверху горящую плешь, чтобы были жертвы. С тех пор я стала ощущать опасность любого митинга...

— Когда-то, еще в начале 60-х, Евтушенко восхищенно сказал мне после какого-то концерта: «Как хорошо принимают!» Но я не был склонен обольщаться. «А вот, Женя, — ответил я ему, — если нас сейчас арестуют и поведают по этому залу — никто не выступит».

— Как вы полагаете, что сегодня может объединить людей? Может быть, Церковь?

— Мне очень трудно говорить об этом, потому что я воспитан в атеизме. Я не хочу притворяться и следовать сегодняшней моде. Очень уважаю верующих людей. Таких, как моя жена — глубоко верующий человек. Но у нас никогда с ней из-за этого противоречий не возникало. Она уважает мой атеизм.

— Как-то на одной международной конференции меня спросили, к какой религии я принадлежу. Я сказала, что воспитана в духе атеизма и рационализма. Кто-то из иностранцев «догадался»: «Ах, ну конечно, вы ведь всю жизнь прожили при социализме!» Я ответила: «Знаете, Вольтер не жил при социализме...»

— Я люблю церковное пение. Могу часами слушать... Я не люблю церковь. Особенно нашу. Понимаете, если общество большое, то почему церковь должна быть здоровой? Она тоже нуждается в совершенствовании, в лечении.

— Недавно у нас был небольшой спор

об этом с Горбачевым. Он иногда меня теперь приглашает... Я сказала ему, что Церковь сегодня могла бы заполнить духовный вакуум, но как люди могут ей верить? Известно ведь, что чуть ли не больше половины ее иерархов оказались агентами КГБ. Михаил Сергеевич возразил: «Да при чем тут это? Агенты КГБ были умные и глупые. Мы жили в таком обществе...» Но я не могла согласиться с ним.

— А в том, что сейчас возникло это повальное движение в сторону церкви, я не вижу ничего предосудительного. Люди хотят найти себя там... спастись. Конечно, это не призывал к ней.

— Скажите, а разве ваша «Молитва Франсуа Вийона» не была обращена к Богу?

— Моя «Молитва» была обращена к жене. Оля тяжело заболела, лежала в больнице. И я обращался к ней.

— Вы пишете, записывая стихи, или, как Маяковский, «вышагивая» их?

— Нет, я их не вышагиваю... я сижу вот так праздно, и вдруг у меня рождается строчка. А потом она тянет за собой...

— В этот момент вы предпочитаете быть в одиночестве?

— Один! Конечно.

— Телефон выключаете?

— Не-а...

— Вам редко звонят, я заметила. Мой бы телефон сейчас разрывался. А в последнее время вы стихи пишете?

— Стихи я все время пишу. Песен я не пишу уже много лет...

— А бывало так, что вы пишете стихотворение, а потом получается песня?

— Только так и бывает. Кроме одного случая. «По смоленской дороге». Сперва получилась мелодия, а к ней я присобачил стишок.

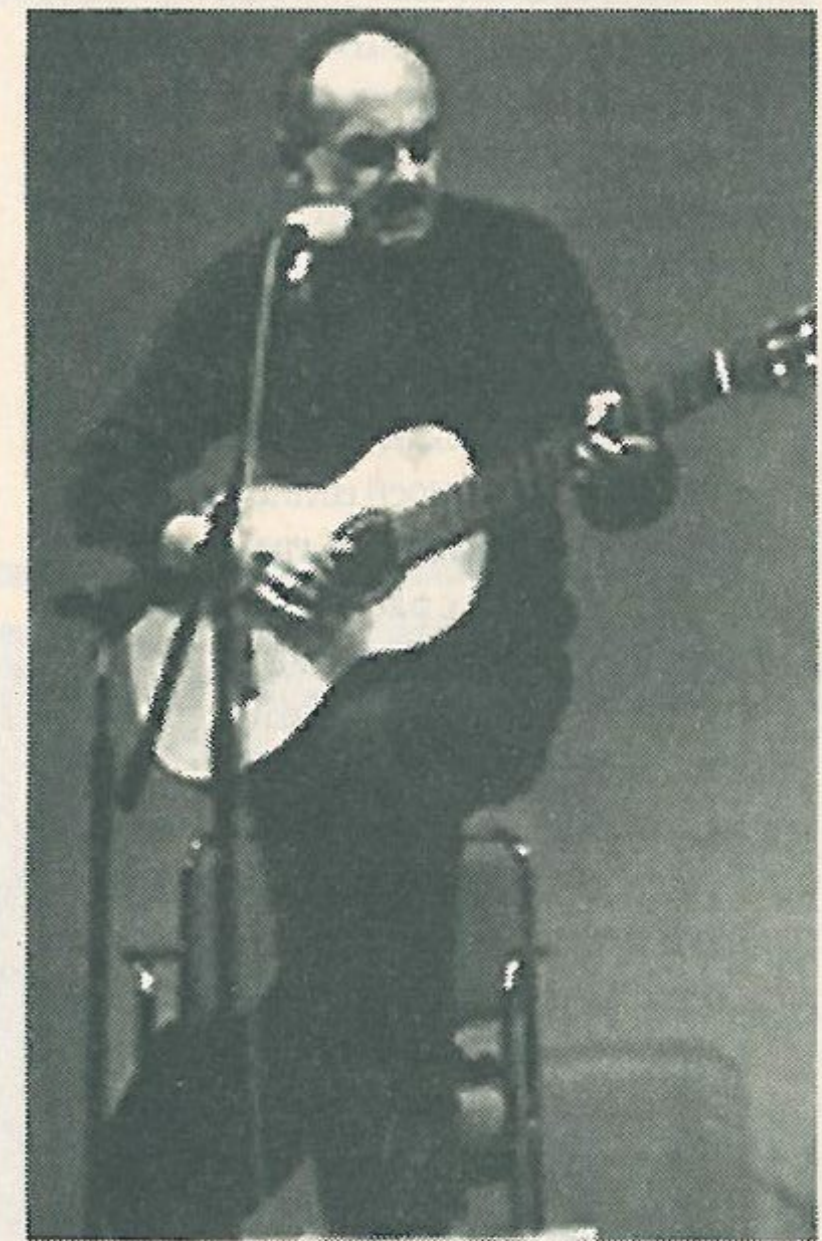
— Чему бы вы хотели научить своих детей?

— Да они уже взрослые. Ничему я их учить не хочу. Хочу лишь, чтобы они в любой ситуации не теряли человеческого достоинства. А внук у меня только один, ему 10 лет, но воспитанием его я не занимаюсь. Хотя он меня уважает очень...

— Наверное, и фамилия у него — ваша?

— Да. Он такой голубоглазый блондин.

Окуджаву... (Смеется).

— Благодарю вас за беседу. Булат Шалвович. Можно с вами выйти на крыльцо и сфотографироваться?

— Пожалуйста. Пойдемте на крыльцо и сделаем лицо... Не-ет, помогать мне не надо, посуду я уберу сам!

PS. На подаренной книге прозы Булат Шалвович написал: «Гале Старовойтовой от бывшего гитариста — сердечно. Булат Окуджаву. 13.08.93».

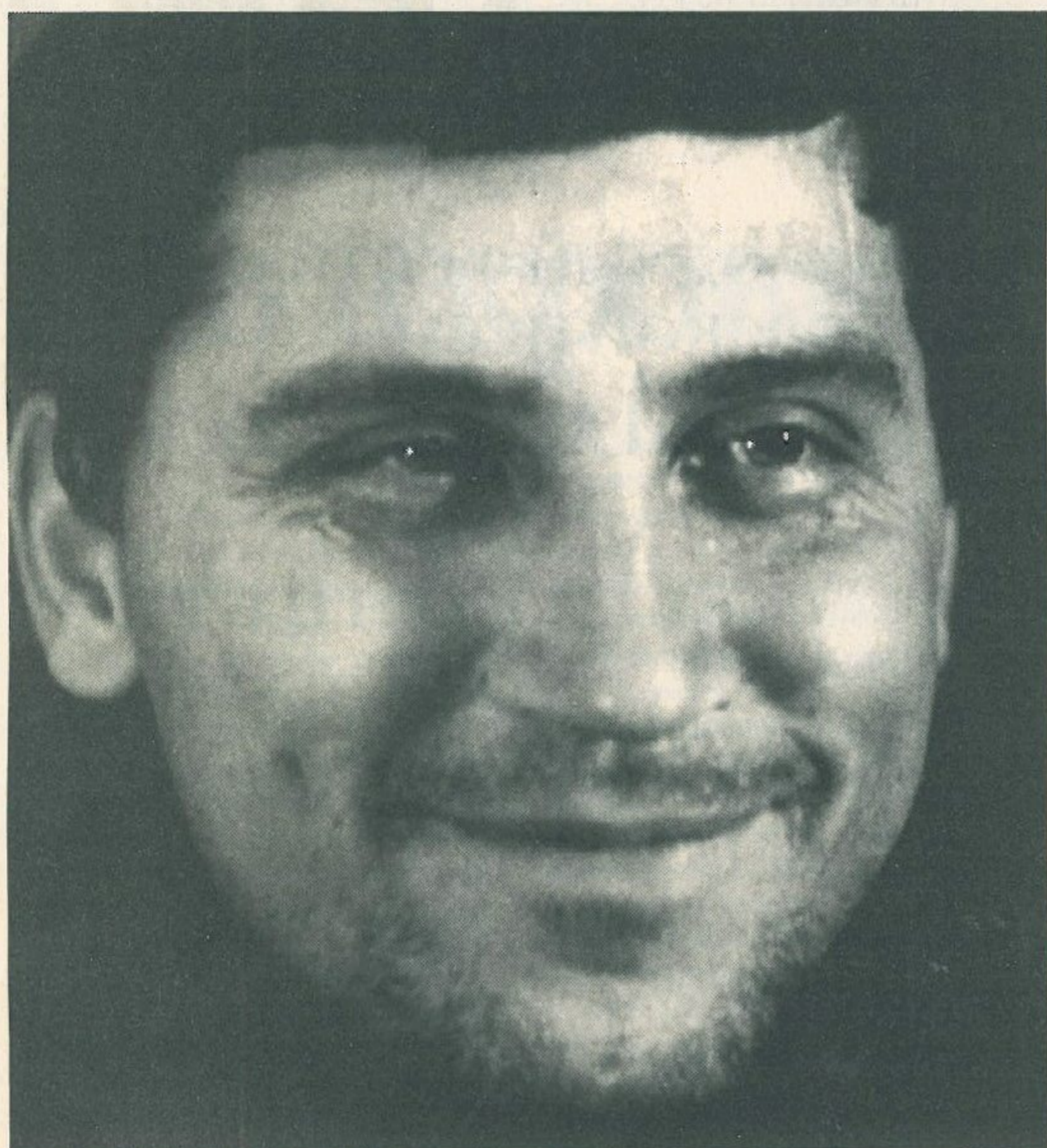
Впервые опубликовано в газете «Европеец» N3, — сентябрь 1993 года.

Литзапись беседы: Илья МИЛЬШТЕЙН

Элеонора БЕЛЕВСКАЯ

Он ушел так внезапно

Памяти Эдмунда Иодковского

Он не ушел — выпал из поезда на полном ходу. Ушел от нас так внезапно, так нелепо. А голос его с неповторимыми интонациями глассата, трибуна звучит, как звучат его вдохновенные стихи...

Это было 20 лет назад. Мы тогда собирались на разных квартирах — члены необъятного литобъединения, которое вел Эдмунд Иодковский. Он умел притягивать таланты, был своего рода лидером литературного подполья. За это яркий поэт расплачивался невозможностью печататься, иметь достойную работу, подвергался обыскам. Многие из круга Иодковского уехали в свое время за кордон, иные вошли в литературу у себя на родине, но немало незаурядных поэтов и прозаиков и сейчас прозябает в сторожках и котельных. Гибель Эдмунда снова собрала в ЦДЛ эту разрозненную теперь пишущую братию. Собрала лишь на миг.

А тогда, в начале 70-х, мы часто собирались. Однажды ко мне в замосквореченскую коммуналку, где я одно время жила, пришли в гости поэты Эдмунд Иодковский и Вениамин Волох, а также прозаик Николай Климонтович. Тогда и было записано это интервью на магнитофон «Романтик». Оно добавляет новые штрихи к портрету человека, который вмещал в себе эпоху со всеми ее противоречиями, вмещал полноту жизни. И хотя Эдмунд в этой беседе с Климонтовичем ниспровергает романтизм, он тут же утверждает его в своих стихах. Собственно, и суровый стиль, за который он ратует, был в искусстве не реалистическим стилем, а скорее романтико-патетическим, преисполненным пафоса. Высокий романтический настрой был свойственен поэзии Иодковского наряду с едким сарказмом. Перефразируя его строки, можно сказать о нем и его творчестве, что он оставался до последних дней «несгибаемо юным».

Его любимые стихи, прочитанные им в тот вечер, далеко не все включены в его единственный поэтический сборник, вышедший в 1991 году...

Николай Климонтович: С чего и как начался у вас творческий процесс?

Эдмунд Иодковский: С того, что нам задали сочинение на свободную тему. В мире

несвободы даже сам термин «на свободную тему» уже приятен. Я написал стихи. Думал, что мне поставят тройку, но мне поставили пятерку.

Н.К. Не могли бы вы назвать момент, который наибольшим образом повлиял на ваше формирование как творческой личности?

Э.И. После университета я приехал на Алтай поэтом-халтурщиком, автором песни «Едем мы, друзья», этаким московским пижонном. Мне посчастливилось встретить там замечательную девушку, которая стала моей женой. К моему удивлению, она оказалась намного левее, чем я. И она выбила из меня тяготение к халтуре. Я понял, что жизнь — слишком серьезная вещь, чтобы о ней говорить легкомысленно.

Н.К. Мы знаем, что на творчество поэта оказывают самое большое влияние факты из личной жизни. Не смог бы, Эдмунд, сказать, какое самое большое впечатление личной жизни определило ваше поэтическое мироощущение?

Э.И. Присутствующему здесь Вене Волоху однажды в 1966 году я сказал: «У меня сейчас такое ощущение, что жизнь состоялась». Это ощущение возникло из-за того, что я встретился с обычной московской девочкой. Звали ее Наташа Новикова. Три года, что я был с ней, для меня не существовало других женщин. Она была, остается и, я надеюсь, навсегда останется единственной и главной любовью в моей жизни.

Н.К. Как складывалась ваша судьба — поэта и человека — в соотношении с судьбой вашего поколения?

Э.И. У меня в начале моего творческого пути было такое ощущение, что почти все, что я хочу сказать людям, уже сказал мой ровесник Женя Евтушенко, но потом я узнал, что не только у меня такое ощущение. Пастернак некогда страдал из-за того, что его система рифмовки напоминает Маяковского, и тогда он начисто, как он говорил, отказался от романтической поэмы поэта. В результате мы получили голос необыкновенной чистоты и силы.

Примерно та же эволюция произошла и у меня. Мне страшно претит всякий романтический наигрыш в стихах, и хотя этот магнитофон называется «Романтик-3», уже то, что этим именем стали называть магнитофоны, говорит о девальвации романти-

ки. Сейчас наступило время реалистическое — время сурового стиля, как принято говорить у художников. И поэтому все, что я написал после 56-го года, я бы уже не отнес к тому ложно романтическому стилю, в котором была написана песня «Едем мы, друзья», поэма «Молния в сердце», опубликованная в свое время в «Сибирских огнях», многие ранние стихи. Я начисто отказываюсь от них, и в новую свою книгу не включил ни одного из стихотворений той поры.

Однако, если говорить о реалистической поэзии, то все-таки она тоже должна создаваться личной биографией. Биография накаляет строку. Моя жизнь сложилась так, что мне выпало почти 13 лет скитаний по Москве без собственного угла. После того, как я написал «Едем мы, друзья» и уехал на Алтай, я потерял московскую прописку. Тогда я не придавал никакого значения этому факту, но прошло 13 лет, пока я не обрел свою нынешнюю квартиру на Старом шоссе. Об этом — стихотворение «Монолог Кавалерова».

Н.К. Очевидно, когда хороший поэт пишет стихи, о чем бы он ни писал — о женщине, о старой Москве или о своих скитаниях и невзгодах — у него все получается одинаково глубоко и требует от нас каких-то адекватных эмоций. Очевидно, бурные события политической жизни, которым довелось вам быть свидетелем, тоже должны были как-то отразиться в ваших стихах?

Э.И. Наше поколение, которое вышло в жизнь в 54-м году, было преисполнено романтических иллюзий, об отказе от которых я уже говорил. Но тогда, в 54-м, я помню, как с поэтом Мишей Курганцевым мы называли себя молодыми хрущевцами. Потом я пережил эпоху разочарования в Хрущеве и в системе. И только сейчас, после того, как наступило еще более суровое время, я понимаю, что одиннадцать лет Хрущева войдут в историю нашей страны как время просвета. Тем не менее именно в силу того, что появился некий просвет, нам стали ясны и все уродливые черты того времени. Вот о них я написал стихотворение «Баллада о бананах».

Н.К. Теперь позвольте задать традиционный вопрос. Вот мы знаем, что Эдмунд последнее время обратился к прозе. Может быть, это связано с тем, что все мысли или желания, которые накопились у поэта, уже не укладываются в рифмы и требуют выхода, в прозу?

Э.И. Безусловно, это первопричина — то, что жизненный опыт не укладывается только в эти рифмованные или нерифмованные строки. Но пожалуй, вернее будет то объяснение, к которому я пришел лишь сегодня. Проза, как говорит Николай Климонтович, есть более высоко организованная форма искусства. Однако я в данном случае стою за синтез. Я считаю, что современная проза тяготеет к синтезу и стиха, и верлибра, и собственно прозы, и философии, и всего остального на свете. Дало лишь в чувстве меры, вкуса, в том, чтобы не получилось скучно. Все жанры хороши, кроме скучного. Я бы сказал так, что для меня проза не есть какой-то принципиально новый этап творчества. Это просто продолжение той же линии, но несколько иными средствами. Причем я стараюсь писать прозу так, чтобы ее можно было запомнить как стихи. Когда речь идет о небольшом рассказе, можно представить себе прозаика, который помнит свой рассказ наизусть. Я попытался написать такой роман, который я весь мог бы запомнить или в случае, например, утраты рукописи мог бы восстановить ее с точностью до единой фразы. Для этого я выработал особую систему расположения фраз. И вот сейчас я могу это продемонстрировать. Я прочту один абзац, который мне кажется верной линией поведения для меня лично: «Вопреки распространенному мнению, мужчина относится с

особым уважением к женщине, идущей навстречу в первый же вечер. Это значит, что она не претендует на твоё время, на твоё будущее, и именно поэтому хочется отдать ей это время и это будущее. Любовь, купленная ценой многолетних ухаживаний, унижений, немногого стоит — значит озарения не было».

Н.К. Ваше поколение нельзя, к сожалению, назвать самыми молодыми представителями нашей литературы, но в то же время вам далеко еще до положения маститых художников, окруженных учениками, имеющих свои школы, и на этом этапе зрелости, только-только обретенной, что бы пожелал Эдмунд молодому поколению?

Э.И. В некотором отношении юность и старость похожи. Им присуща одна и та же черта — вздорность. И вот у нашего поколения наступило сейчас такое время, когда мы уже не имеем право на вздорность юности и еще не имеем право на вздорность старости. Пришло время ответственности, время зрелости — и здесь, я считаю, важнее всего, чтобы твоё слово претворилось в поступок, потому что в нравственной традиции русской литературы заложена неразрывность слова и поступка. Все, что мы пишем — всего лишь слова, слова. Настало время поступков. Недавно я узнал, что застрелился мой ровесник Дима Голубков. Это поступок. Поступок своего рода. Хотя и не тот поступок, к которому я готов. Я, наверное, никогда этого не сделаю. Но это — поступок. И мне хочется найти нечто адекватное. Нечто такое, что доказало бы, что наше поколение способно на поступки.

Н.К. В заключение мне хотелось бы попросить Эдмунда прочесть то, что ближе ему самому, что больше всего ему как автору помнится.

Э.И. Стихи, как дети — все дороги по-разному. Но так как мы находимся в гостях у прекрасной художницы, я позволю себе закончить этот вечер стихотворением «Художники».

Он ушел так внезапно

Эдмунду Иодковскому — главному редактору умершей вместе с ним газеты «Литературные новости» исполнилось бы 6 августа 62 года. Он погиб под колесами автомашины. Ушел так внезапно, так нелепо — будто выпал из поезда на полном ходу. А голос его с неповторимыми интонациями звучит в его стихах.

20 лет назад. Ко мне в гости пришел Эдмунд Иодковский с прозаиком Николаем Климонтовичем и поэтом Вениамином Волохом. Решили обновить магнитофон «Романтик», который я только что купила. И стал Климонтович интервьюировать Иодковского будто бы в шутку. А получилось всерьез.

Эдмунд предстает в этом интервью отнюдь не залихватским комсомольским поэтом, каким многие пытаются его представить. Принесший ему популярность целинный шлягер «Едем мы, друзья» мог бы распахнуть незаурядному поэту двери в литературу, благополучную жизнь. А вышло так, что даже двери родной столицы перед ним захлопнулись после возвращения из дальних краев, куда он последовал за своей песней. Произошла переоценка ценностей. Он ниспровергает ходульный, казенный романтизм и становится обличителем.

В искусстве ему созвучен «суровый стиль», который был романтико-патетическим, преисполненным пафоса. Но особенно романтизм сказан в его лирике.

Он окружал романтическим ореолом женщин, которых любил. И что удивитель-

но — разрыв отношений, развод не разрушали в его душе этого ореола. Он сохранял свет пережитой любви, накапливал в себе этот свет. О нем можно сказать словами Христа: «Кто много возлюбил, тому многое простится». Воистину он любил не только друзей, но и врагов, если те были талантливы. При своей политической боевитости и бескомпромиссности он был человеком очень добрым, незлобивым, теплым во взаимоотношениях с людьми. Легко прощал и даже печатал в своей газете далеко не безобидные шутки и выпады в свой адрес. Бывало, даже награждал их авторов. Его девизом было «Каждый имеет право быть услышанным». Он возвышался над личными обидами, не чужд был самопародии.

В большую журналистику он пришел не из номенклатуры, с началом перестройки, быть может, наступив на горло собственной песне. Его никто не назначал бы главным редактором такой газеты, как «Литературные новости», если бы он сам без гроша в кармане не основал ее, более двух лет будоражившую умы интеллигенции, ставшую знаменем антифашистов. Он был душой и телом этой газеты. Ее руководителем и чернорабочим. Без него она не могла просуществовать и дня. Хочется верить, что когда-нибудь мы узнаем, случайно ли погиб на обочине дороги под колесами грузовика Эдмунд Иодковский или это злая воля его врагов.

«Литературные новости» не могли бы состояться, если бы Иодковский не был много лет своего рода лидером литературного подполья, не вел необъятное литобъединение, гонимое властями, собиравшееся на разных квартирах. За это поэт расплачивался невозможностью печататься, иметь достойную работу, подвергался обыскам. Его первый и единственный поэтический сборник «Капля звезды» вышел только в 1991 г. А ведь по масштабу своего таланта он мог бы войти в первую обойму. Многие из круга Иодковского уехали в свое время за кордон, иные вошли в литературу у себя на родине.

... Вспоминая мой день рождения 12 мая 1975 года. У меня дома собралось чуть ли не все литобъединение. Ждали Иодковского. Он появился поздно и объявил, что у него родился сын.

Примерно в это же время 19 лет спустя его сбила машина. 12 мая 1994 года я пригласила Иодковского на презентацию своей книги стихов в Дом духовного наследия. Думала ли я, что не увижу его больше живым? Было у меня в этот день какое-то предчувствие надвигающейся беды. Были предзнаменования и у других его друзей. Говорят, это — признак высокой энергетики погибшего.

Возможно, все трагические случайности в нашей жизни predetermined. И недаром в эту роковую для него дату почти двадцать лет назад Эдмунд выбрал для чтения по кругу именно это свое стихотворение:

*Звучала музыка миров —
играли фугу.
С последним поездом метро
я ехал к другу
И облик девушки чуждой
с улыбкой томной
вдруг полоснул меня свежо
в двери вагонной
Но миг — и он туманен вновь,
струится зыбко
Прощай, мгновенная любовь,
прощай, улыбка.
Все, что любил я на земле,
во что я верил —
лишь отражение на стекле
вагонной двери.
Мгновенна жизнь,
и я умру, бесследно скроюсь,
как скрывается в черную дыру
последний поезд.*

Международный Фестиваль авторской песни «Петербургский аккорд»

Один раз в два года в Питере собираются лучшие российские и зарубежные барды

С 19 по 23 мая в Санкт-Петербурге пройдет очередной V Международный Фестиваль авторской песни «Петербургский аккорд». На пять дней Санкт-Петербург становится столицей авторской песни.

Фестивальная история авторской песни насчитывает уже более 30 лет. Разные по масштабам, содержанию, составу участников эти фестивали дали возможность многим и многим любителям авторской песни встретиться друг с другом, открыть для себя новые имена и песни, найти единомышленников, поддерживать тот вольный творческий дух, который отличает свободных граждан пусть даже и несвободного общества.

Новосибирский фестиваль 1967 года. Московские фестивали самостоятельной песни, Куйбышевские фестивали памяти Валерия Грушина стали вехами в истории жанра, удивительным образом сочетающего многочисленность аудитории поклонников и далеко не средний уровень художественного и особенно поэтического содержания лучших своих образцов.

С 1986 года началась история Всесоюзных фестивалей авторской песни, в основу которых были положены конкурсы авторов и исполнителей самостоятельной песни. Эти фестивали, которым предшествовали отборочные конкурсы в регионах, явились естественным результатом развития движения Клубов самостоятельной песни (КСП), охватившего практически всю страну. Они выявили новых талантливых представителей жанра, дали толчок его дальнейшему развитию. К сожалению, история этих фестивалей оказалась короткой. Было проведено лишь три Всесоюзных фестиваля (Саратов, Таллинн, Киев). А после распада Советского Союза они прекратились.

Желание возродить эту нарушившуюся традицию и побудило клубы самостоятельной песни Петербурга поддержать идею Юрия Крацова о проведении в городе на Неве регулярного Международного Фестиваля Авторской Песни «Петербургский аккорд».

Фестиваль авторской песни «Петербургский аккорд» учрежден в 1995 году, проводится один раз в два года, и является сегодня крупнейшим в жанре Фестивалем-конкурсом, проводимым в городских условиях.

Ему предшествуют региональные фестивали-конкурсы, проводимые по всей России, практически во всех странах — бывших республиках Советского Союза, а также отборочные конкурсы в США, Германии, Израиле.

Прошло уже четыре Фестиваля, ставших культурной традицией международного масштаба.

Основным мероприятием Фестиваля является конкурс, проводимый в 2 тура в 5 но-

минациях (авторы, композиторы, исполнители-солисты, исполнители-дуэты, исполнители-ансамбли), победители которого получают звания дипломантов и лауреатов Фестиваля. Исполнители-солисты, дуэты и ансамбли обязательно должны представить на конкурс произведение петербургского (ленинградского) автора. Кроме этого, программа Фестиваля предусматривает проведение творческих мастерских, семинаров по проблемам авторской песни, многочисленных концерты на самых разных концертных площадках города, мероприятия для детей, культурную программу для гостей и участников Фестиваля. В жюри конкурсов Фестиваля входят выдающиеся представители жанра авторской песни, известные критики, поэты, композиторы.

Сегодня фестивальный конкурс авторской песни в Санкт-Петербурге является главным международным событием в своем жанре. Ни в каком другом жанре искусства в Петербурге не проводится столь значительного мероприятия.

В предыдущих четырех Фестивалях приняло участие более 600 авторов-исполнителей, представителей 80 городов России, Белоруссии, Германии, Израиля, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, США, Узбекистана, Украины, Финляндии, Эстонии.

Два года назад мероприятия фестиваля посетили более 10 тысяч человек.

В очередном, пятом Фестивале, ожидается участие 180 человек в составе делегаций регионов, 160 участников конкурса, 70 почетных гостей и членов жюри Фестиваля, многочисленных зрителей.

Открытие Фестиваля 20 мая в ДК им. Горького в четверг, закрытие 23 мая в воскресенье тоже в ДК им. Горького. Первый тур конкурса пройдет 20-21 мая в ДК им. Ленсовета, второй тур конкурса 22 мая в субботу в ДК им. Газа.

Среди гостей и членов жюри Фестиваля: А. Дольский, Ю. Кукин, А. Суханов, Т. Визбор, В. Дашкевич, Л. Захарченко, А. Иванов, В. Ланцберг, Ю. Лорес, В. Лужеров, А. Мирзаян, Вадим и Валерий Мищуки, Л. Сергеев, Е. Фролова, Г. Хомчик, Н. Якимов.

Спонсоры фестиваля: Генеральный информационный спонсор «Мелодия», «ОТВ», газета «Метро», спонсор — пивоваренная компания «Балтика».

Большую помощь Фестивалю оказал депутат ЗакСа СПб Алексей Ковалев.

Общее руководство Фестивалем осуществляет Оргкомитет, в состав которого входят члены Совета Федерации России, Правительства Санкт-Петербурга, руководители клубов авторской песни Петербурга и Москвы, другие известные люди.

Дополнительная информация на сайте WWW.AKKORD.SP.BU

ОДИН РАЗ В ДВА ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ЛУЧШИЕ РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ БАРДЫ!

При поддержке Правительства и депутатов
Законодательного Собрания Санкт-Петербурга

Сайт <http://www.akkord.spb.ru>

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ АККОРД - 2004»

Участвуют:

Александр Дольский

Юрий Кукин

Александр Суханов

Татьяна Визбор

Владимир Дашкевич

Любовь Захарченко

Александр Иванов

Владимир Ланцберг

Юрий Лорес

Виктор Лужеров

Александр Медведенко

Александр Мирзаян

Вадим Мищук

Валерий Мищук

Леонид Сергеев

Елена Фролова

Галина Хомчик

Николай Якимов

20 мая, четверг
Начало в 19:00
ДК им. Горького
метро «Нарвская»

21 мая, пятница
Начало в 19:00
ДК им. Газа
метро «Кировский завод»

22 мая, суббота
Начало в 18:00
ДК им. Газа
метро «Кировский завод»

23 мая, воскресенье
Начало в 19:00
ДК им. Горького
метро «Нарвская»

**КОНЦЕРТ
ОТКРЫТИЯ
ФЕСТИВАЛЯ**

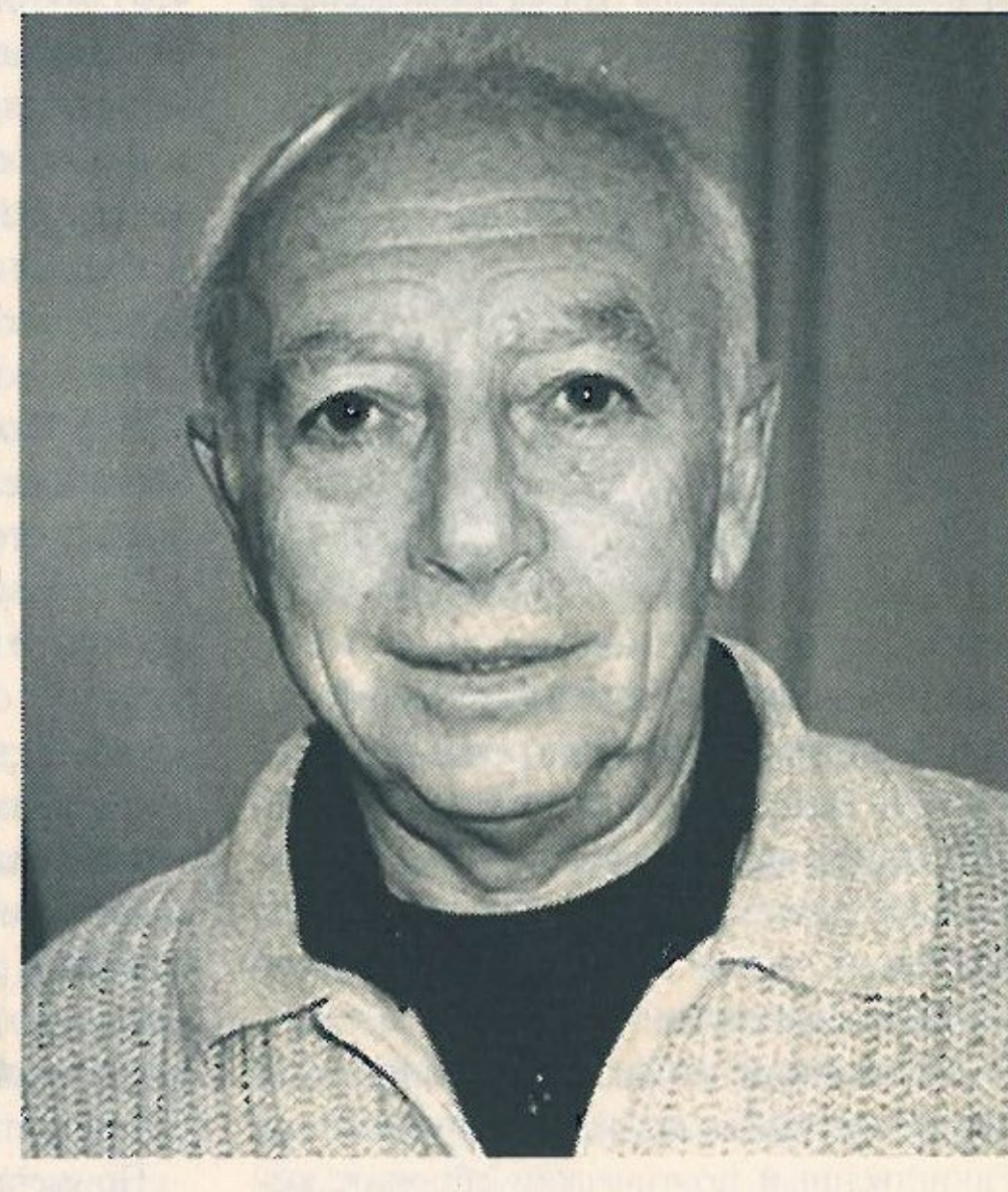
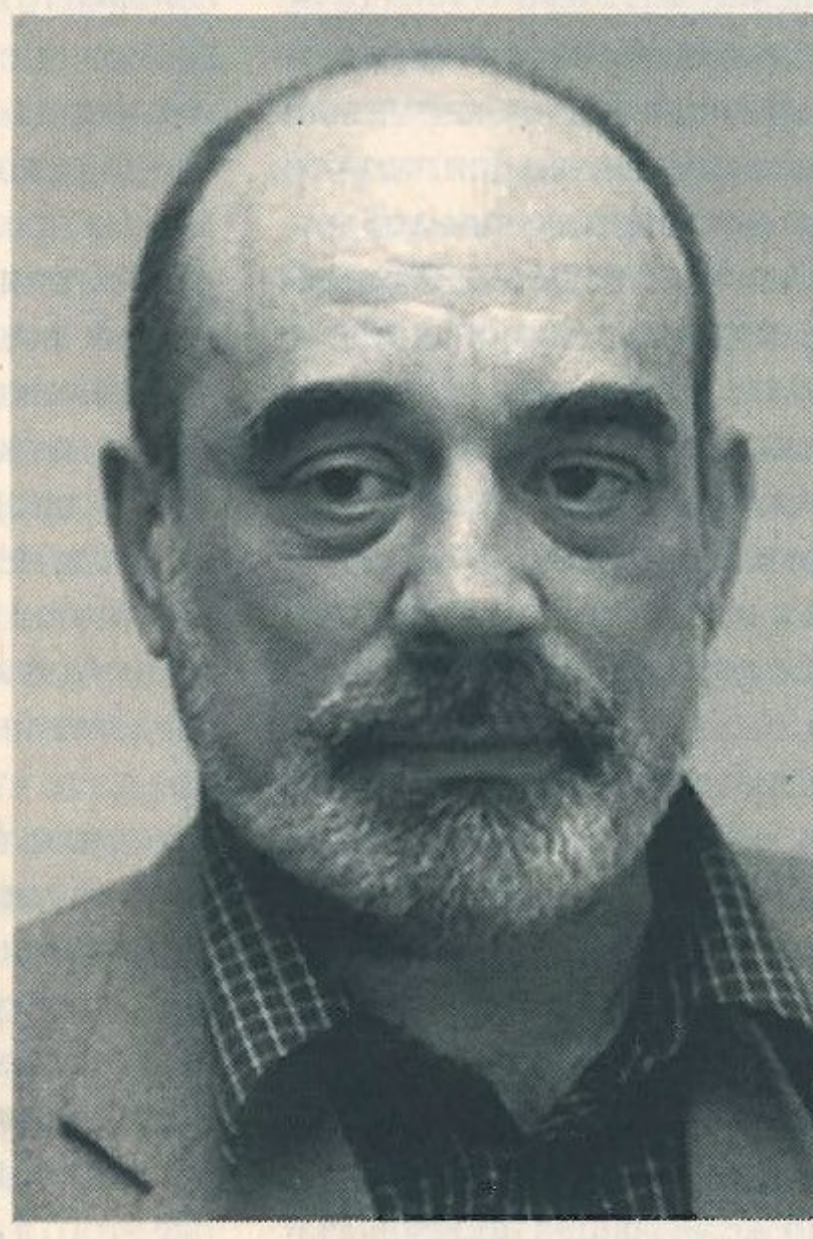
концерт-юморина
**«СМЕХ
СКВОЗЬ СТРУНЫ»**

2-й тур
**КОНКУРСА
ФЕСТИВАЛЯ**

**КОНЦЕРТ
ЗАКРЫТИЯ
ФЕСТИВАЛЯ**
с участием
победителей конкурса Фестиваля

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ В ТЕАТРАЛЬНЫХ КАССАХ ГОРОДА И В КАССАХ
ДВОРЦОВ КУЛЬТУРЫ.

Телефоны для справок: ДК им. Горького — 252-75-13, 064 и 089, ДК им. Газа — 183-32-78.

Учредители издания — **Галина Старовойтова**, **Л.В.Иодковская**, **Е.Л. Пехтасева**. Главный редактор — **Руслан Линьков**.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РФ 13 августа 1993 года. Регистрационное свидетельство № 011096. Адрес редакции: Москва, 125047, а/я 219
Тираж 3000 экз. Заказ № 350 от 11.05.2004 г. Тираж отпечатан: типография "ТЕКСТ".С-Пб. наб.Фонтанки 90/2. т.325-90-65.